

СИТУАЦИЯ

Бройлеры... свои бройлеры!.. Это так заманчиво: дорощенные, мяско ароматное, аппетитное, без вредных «привычек» — ой, то есть добавок, да и выращенное, на первый взгляд, без особых трудов.

Птички бегают, травы вдоволь едят, только подбрасывай им её каждый час, ну, там заварить-остудить корм соответствующий, раздать не забыть. На глазах прибавляют в размерах, у-у, кормильцы наши зимние! Растите, растите! Ух, как запечём вашего брата — с корочкой хрустящей, с луком-чесночком, с соусом подходящим!.. А сейчас пока и запашок стоит на усадьбе — не парфюм... и грязька от них порядочная, да и кушать постоянно просят что-то. Ну да ничего, ради зимнего «смака» да удовольствия кулинарного пусть бегают!

Вот и Сашку, молодого хозяина усадьбы, не минуло желание птицу для откорма приобрести, благо и двор позволяет, и провиант найдётся в хозяйстве. Всё по правилам-законам фермерским пошло: подросли эти «штук сорок», которые в загон уже не помещаются. А тут и осень на дворе, с огорода всё убрано и в подвал попрятанно. Вот где разгуляться можно, поклевать оставшееся: траву сорную, кочерыжки-гнилушки, в навозной куче порыться, земельку

поразгребать — авось и на червячка нарваться. Вот и бежали они у Саши до лютого морозца по огороду, всю землю вспахали-перепахали, чёрная стоит, без видимого корма подножного.

Пришло то время... Что ж, такова жизнь птичья! Хозяйки усадьбы в те роковые дни дома не было — уехала с сыночком в гости к родителям. «Думу думати» стал Александр, что с птицей делать, околеет ведь от холода, да и съела она уже больше нормы, расходы зашкаливают. Решился он наконец, скрепя сердце, проститься с «выкорышками» своими, с утра начал «сечу» на своём дворе. Головы — в тазик, тушки в перьях — в мешки... Помыть бы их в баньке, просушить, чтоб пёрышки блестели, но где там промоешь: увозюканные, цвета чёрного вместо рыже-белого, да и наряд бедноватый уже стал — «соратники» пообклевали. Да ладно уж, помывка и не так важна теперь. Перо обскубить, кур выпотрошить — и порядок!.. А кто же это делать сейчас будет? Ан некому — хозяйка-то в отъезде!

Поставил Саша мешочки с курами в кладовку, что в коридорчике холодном была: стоят себе, замерзают, расцветенные краской трагической. Картина не для слабонервных! Проходят денёчки. Вот уж и Алла, хозяйюшка, домой вернулась. Руками всплеснула, зайдя в коридор: мол, батюшки, что это такое творится? Ей бы сразу их растаять, бедолаг, да обработать подобающе, но время шло, зима лютовала... Захотят домочадцы куриного мяса — выломает Алла курёнка очередного из мешка, сготовит. Но возни с ним сколько!.. Не очень-то хотелось ими заниматься.

Вот и солнышко весеннее в окно поглядывать стало. Мысли в голову полезли коварные: то оттают курочки, то замёрзнут, а плохо это — не потрошёные ведь. Идея пришла неожиданная: везти оставшихся бройлеров в город, в «цивильные» условия, кои у тётки Нади на то время были. Вода горячая рекой, ванна — ёмкость вместительная, все войдут. Там и помыть, и общипать, и выпотрошить можно. Что и делать стали всей компанией, в ванной комнате и устроились — примостились где кто. Горячей воды напустили,

да что-то оттаивают они медленно, а перья ощипывать всё труднее... Вот если бы кипятком их ошпарить — другое дело бы! Так остывает вода быстро — тушки-то холоднучие.

Так и вечер прошёл, ночь надвинулась. Стенания в ванной комнате начались, проклятия посыпались на курочек и жизнь «поломатую». Первой с «линии фронта», по имеющимся сведениям, ушла тётя Надя, согнувшись в три погибели, за поясицу схватившись и на свою коечку свалившись одетой почти. Напряжение нарастало, обстановка накалялась... Вторым из «боя» якобы вышел хозяин «войска» куриного, прокляв данные обстоятельства, рукой махнув безнадёжно. И вот оставшиеся «жертвы», плавающие в ванне, так плохо по-прежнему от перьев избавлявшиеся, Алла достались.

Судьба предрешена: ей заканчивать ночную эпопею.

На другой день, вернувшись из города, она зашла ко мне — на судьбину пожаловаться, пальцы, стёртые до мозолей, показать, да и долгое сидение на краешке ванны, оказывается, имело свои последствия...

А бройлеров своих держать на следующее лето расхотелось им: кажется, этими были ещё сыты!..

ПОПУТЧИЦА

Курорт...

Слово это казалось Ольге каким-то чуждым, нереальным. Да и почему быть ему близким? Ведь за все так быстро летящие годы жизни с повседневными одними и теми же заботами: работа, семья, работа, — даже мысли о курорте не было. А если и случалось в редких случаях с кем-либо поговорить на эту тему, выслушать чьи-то восторженные отзывы о своих впечатлениях, Ольга только на миг представляла себе тёплое южное море, золотистый песок пляжа, пальмы, такие далёкие и недоступные.

И вот однажды, довольно неожиданно для неё, в холодном сибирском октябре вдруг представилась возможность отдохнуть по профсоюзной путёвке на курорте. На каком?

А на ближайшем, не морском, без пальм, но южном. Юг Сибири, Хакасия, курорт «Озеро Шира». Согласие на поездку она дала в профкоме, но главным было в эти дни озвучить новость в семье. Ольга знала наверняка, что известие это мужу не понравится. Он всегда негативно относился к курортной теме, хотя сам тоже ни разу там не был. Так оно и вышло. Но всё же, поразмыслив, согласился с тем, что подлечиться ей бы уже не помешало — возраст сказывается... Ольга стала готовиться к поездке.

«На чём туда лучше добираться? Автобус? Поезд?.. На поезде!» — решила для себя она.

Ольга с детства любила железную дорогу, всё, связанное с ней, ведь родительский дом стоял совсем рядом с железнодорожными путями, и детские годы её, как и сестры с братом, прошли здесь, на одной из сибирских станций. Паровозные гудки, уходящие вдаль вереницы вагонов... Иногда и ездили с родителями к бабушке с дедом. Но с тех пор прошло столько времени, да и по железной дороге никуда проезжать давно уж теперь и не приходилось. То был самолёт, когда она со своей семьёй летала к родне мужа в районный центр, когда такие полёты были ещё возможны в крае. Другим транспортом для поездок, в том числе и летних, на палаточный отдых к любимому озеру, был автомобиль.

Поэтому раздумья о поездке, самом путешествии были для Ольги, скорее, тоже неожиданными. Но день отъезда всё-таки наступил. На железнодорожном вокзале оказалось, что до прихода её поезда времени было ещё достаточно. Ольга села на скамью в зале ожидания, поставив свою сумку с вещами рядом, и стала наблюдать за вокзальной суетой. Непривычно было всё. Пассажиров много. Кто-то сидит, сосредоточившись, молчаливо дожидаясь своего часа. Кто-то прохаживается, время от времени возвращаясь к своему багажу. Напротив, удобно устроившись, подложив под голову рюкзачок, закрыв глаза, лежит мужчина неопрятного вида. Пожилая пара, стоя под светящимся табло, изучает расписание поездов. Вот трое подростков, посматривая по сторонам, словно кого потеряли, быстро прошли

по проходу и вскоре появились здесь вновь, переговариваясь друг с другом, всё так же ища кого-то глазами.

Наступил вечер. Наконец объявили о прибытии и Ольгиного поезда. Пройдя по своему плацкартному вагону, она нашла свободное место — нижнюю боковую полку, открыла её, приподняв край, положила туда сумку, а куртку повесила на крючок возле окна. Села и, опираясь локтями на столик, стала смотреть в тёмное окно. Подошла женщина, немолодая на вид, поздоровалась с Ольгой и расположилась напротив.

Поезд тронулся, и вновь, как в далёком детстве, застучали колёсные пары вагонов, замелькали огни полустанков, встречных поездов, которые иногда проносились мимо, громко сигналив. Ольга подумала: «А хорошо, что еду на поезде!.. И почему так бывает в жизни, что ощущения, казавшиеся такими далёкими, несбыточными, повторились вдруг? Железная дорога. Поезд!»

На душе стало легко и спокойно. Попутчица Ольги придвинулась к столику, грустно улыбнулась и назвала своё имя: Людмила. Ольга назвала своё имя. Познакомились, разговорились. Лицо женщины было тёмным от загара и словно обветренным, с заметными морщинками у глаз. Чёрный свитер с неярким рисунком, казалось, оттенял выражение тревоги и беспокойства на её лице. Ольга всегда дружелюбно реагировала, когда видела, что собеседник не прочь завязать разговор, старалась поддержать его, тем более в этой обстановке мимолётного знакомства, ни к чему не обязывающего. Тихое покачивание вагона, ненавязчивый стук колёс словно располагали к искренности, задушевности.

Ольга видела, что Людмиле хотелось выговориться, поделиться сокровенным.

— К сыну и внукам еду. Два года не виделась с ними. У него хозяйство: скот, лошадь, — и у меня корова — куда от неё отъедешь? Вот в запуск пошла, так договорилась я с соседкой, присматривать будет. Внуков-пацанов двое, подросли уже, а внучки-близняшки малы ещё. Да вот беда:

невестка-то, Надя, заболела. Не дай Бог, серьёзное что-нибудь. Она иногда-то и письма писала, что да как у них. Может, помогу чем... Душа болит. Жалко их всех! Жизнь проходит, дней не замечаешь,хватишься — да конец уж близко. И что ты сделать успела? С внуками и то почти не нянчилась, не пришлось.

Глаза Людмилы повлажнели. Воспоминания расстроили её. Ольга рассказала кое-что из своей жизни, стараясь хоть как-то развеселить свою попутчицу, припоминая смешные случаи. Но спать ей всё-таки хотелось, а Людмила сказала, что ехать ей ещё долго: мол, успеет выспаться. Беспокоюсь о том, чтобы не проехать свою станцию, к которой подъедут в пять часов утра, Ольга попросила спутницу разбудить её, но та засомневалась:

— Часов у меня нет при мне, знать не буду время, когда будить!

— А-а, да у меня есть, сейчас сниму с руки и дам, посмотрите время.

Ольга расстегнула застёжку металлического браслета своих простецких советских часов «Заря» и подала их Людмиле. А сама примостилась на полке и вскоре заснула.

Разбудил её, как и других спящих, громкий голос проводницы, проходящей по вагону:

— Станция Шира-а! Подъезжаем!.. Станция Шира-а!

Ольга встрепенулась, открыла глаза, села. Место напротив было свободным. Ничего и не напоминало, что этой ночью там сидела пассажирка, попутчица, женщина с непростой судьбой. Вместе с ней исчезли и часики «Заря»...

«Как такое может быть? Как?!» — думалось ей. Ещё до конца не понимая, что случилось, Ольга собрала свои вещи, надела куртку и побрела по вагону, оглядываясь по сторонам, всё-таки надеясь увидеть Людмилу, но той не было. Ольге часов было и не столь жалко, а удивил её, просто поразил в самое сердце этот человеческий поступок!..

Человеческий ли?..